

Вилла Красного Клена из поколения в поколение занималась торговлей и круглый год жертвовала огромные суммы серебра на благотворительность, прослав в боевых искусствах великим благодетелем. Она не имела ни малейшего отношения к императорскому двору, и только умалишённый Чу Цзюсюй стал бы убивать людей с Виллы Красного Клена.

Вся беда была в том, что все улики указывали на Секту Цинсу. Нынешняя Секта Цинсу в мире цзянху превратилась в изгоя, которого клеймят все подряд: ее адепты даже за пределы стен боялись выходить под своим именем.

Чу Цзюсюй в черной бамбуковой шляпе остановился у самого большого постоялого двора в городе Циншань. Поскольку семью владельцев Виллы Красного Клена вырезали подчистую, да вдобавок в городе Циншань проводился нынешний съезд боевых искусств — старый лидер боевого союза постарел, и в этот раз предстояло выбрать нового, — Циншань оживился так, как никогда прежде, и бродяг из цзянху здесь собралось необычайно много.

Глядя на вооруженных людей из цзянху, городской страже Циншаня оставалось только схватиться за головы. К счастью, меня это не касается, — беззаботно подумал Чу Цзюсюй.

Позади него шагали такие же люди в бамбуковых шляпах: евнух Ван, братья Цин Юй и Цин Янь, а также Хуа Юньгэ. Чу Цзюсюй переступил порог постоялого двора.

Цин Юй подступил ближе:

— Уважаемый, пять люксовых номеров.

Трактирщик лениво приподнял веки:

— Люксовый номер — один таэль серебра за ночь, средний — пятьсот медных монет за ночь, простой — сто медных монет за ночь.

Цин Юй не поверил своим ушам:

— Так дорого!

Трактирщик потерял всякий интерес:

— Если дорого, можете не снимать. Не хотите вы — желающих полно.

Цин Юй тотчас подавился словами и перевел взгляд на старшего брата.

Почему он не посмотрел на Чу Цзюсюй? Да это же и так очевидно! Самым бедным среди присутствующих был сам регент. Сейчас не та ситуация, когда в столице требовалось занимать серебро, чтобы поддерживать видимость былого блеска, поэтому и жить полагалось по средствам. Еще неизвестно, сколько дней придется пробыть в Циншане, так что пытаться заставить вечно живущего в долг Чу Цзюсюя раскошелиться на люксовый номер по таэлю за

ночь — не помереть бы от смеха!

Цин Янь достал стотаэлевый серебряный вексель и положил на стойку:

— Пять люксовых номеров.

Выражение лица трактирщика мгновенно переменялось, и он радостно затараторил:

— Сию минуту, пять люксовых номеров!

Он взял пять ключей и с самыми любезными интонациями вложил их в руку Цин Юя.

Глаза разбегаются при виде денег! — подумал про себя Цин Юй.

Раздался звонкий голос:

— Десять люксовых номеров.

Все пятеро обернулись и увидели девять сверкающих лысин и белоризного монаха в бамбуковой шляпе.

Ого!

Монахи из Храма Защиты Государства!

Молодой послушник положил на стол серебряный вексель на двести таэлей:

— Снимите сразу на двадцать дней, а если не хватит, при выезде доплатим.

Вспомнив, как они только что жаловались на дороговизну в один таэль, а эти не моргнув глазом сняли десять номеров, и осознав, что те вполне могли стать свидетелями их недавнего позора, Цин Юй потянул за поля шляпы, и лишь убедившись, что его лицо не открылось ни на дюйм, с облегчением выдохнул. Опозориться — полбеда, но нельзя же ронять престиж Резиденции регента!

И как только этакая голытьба может нравиться нашему князю! — подумал Чу Цзюсюй, засунув руки в рукава.

Взгляд белоризного монаха мимоходом скользнул по рукам Чу Цзюсюя, спрятанным в рукавах, и он протянул руку, придавливая запястье, чтобы удержать серебряно-белую змейку, норовящую выползти наружу.

Чу Цзюсюй толкнул дверь своей комнаты, и монах в белых одеждах напротив тоже отворил

дверь своего покоя. Через проемы бамбуковых шляп их взгляды встретились.

Чу Цзюсюй слегка усомнился: Храм Защиты Государства, как и Секта Цинсу, почти не вмешивался в дела цзянху. В этот раз выбирали всего лишь нового лидера, но монахам из Храма Защиты Государства не было никакой нужды присылать сразу девять человек, да еще и Цзин У приплелся за компанию!

Белоризый монах отвел взгляд и шагнул в свой номер. Серебряно-белая змейка выскользнула из рукава и бросилась на Чу Цзюсюя. Трудное движение — и Чу Цзюсюй поймал змейку на лету, уставившись нос к носу в ее зеленые глазки.

Чуньнин заносчиво высунул раздвоенный язычок, ничуть не испугавшись!

Чу Цзюсюй: «.....»

— Прощу прощения. — Цзин У протянул руку и забрал Чуньнина.

Чу Цзюсюй ничего не сказал, вошел в комнату и с грохотом захлопнул дверь, изо всех сил стараясь удержать на себе маску таинственности.

Цзин У вошел в свои покои, снял бамбуковую шляпу и прижал попытавшегося ускользнуть Чуньнина:

— Хватит баловаться, он рассердится.

Чуньнин высунул язычок и уныло свернулся клубком.

Сегодня вечером Чу Цзюсюй собирался провернуть одно великое дело: погибших с Виллы Красного Клена еще не предали земле. Хотя большая часть людей уже уверовала, что именно Секта Цинсу вырезала всю семью владельцев, сам глава секты Чу Цзюсюй преспокойно жил на белом свете, и до сих пор ни единого «убийцы» из Секты Цинсу поймать не удалось. Пока кровная месть не свершилась, хоронить обитателей Виллы Красного Клена никто не собирался.

Пять силуэтов бесшумно выскользнули с постоянного двора и направились к подножию Редкой горы, где стояла Вилла Красного Клена. Обойдя стражников у ворот, они тихо проскользнули внутрь и пробрались к поминальному залу. Не только во дворе поминального зала, но и повсюду стояли черные гробы — в самом зале упокоились лишь глава Виллы Красного Клена и члены его семьи.

У дверей поминального зала сидели двое мужчин, кляня носом. Чу Цзюсюй и Хуа Юньгэ неслышно подступили к ним со спины, легко прижали к носам платки, и те с закрытыми глазами провалились в сон.

Чу Цзюсюй отворил створки и вошел в поминальный зал. Внутри стояло шесть гробов: глава Виллы Красного Клена Хун Я с женой, а также два сына и две невестки.

Хуа Юньгэ затворил двери зала.

Цин Юй приподнял крышку одного из гробов: внутри лежало женское тело. Мало того, что лицо было мертвенно-бледным, живот высоко выдавался вперед, а одежда на нем алела от крови — прямо посередине вздувшегося живота зияла рана от широкого меча.

Цин Юй тут же нахмурился:

— Кто же додумался до такой жестокости?

Хуа Юньгэ произнес:

— Кто бы ни был, но точно не мы.

Чу Цзюсюй сдвинул крышку другого гроба и тоже нахмурился: здесь лежала еще одна беременная женщина, и рана приходилась ровно на середину живота.

Цин Янь носил полумаску, скрывавшую сибирскую язву на щеке; он был похож на Цин Юя как две капли воды. Мужчина протянул руку и надавил на живот несчастной:

— Роды должны были начаться со дня на день.

Открыли остальные четыре гроба. Цин Юй вскрикнул:

— Позднее семя в зрелые годы!

Хуа Юньгэ подошел ближе и потерял дар речи: в этом гробу лежала третья беременная, причем ее живот был самым маленьким из всех трех — должно быть, около шести месяцев. И ждала ребенка не кто иной, как жена Хун Я, которой уже стукнуло сорок лет; посреди живота виднелся точно такой же разрез.

Из шести членов семьи трое оказались беременными, причем одна вот-вот должна была разрешиться. Неудивительно, что все те люди из боевых союзов пылали праведным гневом. Даже у рук Чу Цзюсюя и его людей, обгаренных кровью, при виде такого зрелища защемило сердце. Не то чтобы Хуа Юньгэ и остальные никогда не сталкивались с беременными противницами — обычно они просто перерезали им горло, быстро и чисто лишая жизни. Но пытаться беременную женщину звучало как верх бесчеловечности.

Хун Я погиб страшнее всех: его разорвали на части пять коней, а глаза выкатили от ужаса — очевидно, расчленяли еще живым.

Цин Юй заметил:

— Сдается мне, это больше похоже на вендетту. Причем лютую, кровную. И надо же было этой расправе прицепиться к нам, какая неудача.

Чу Цзюсюй вовсе не считал это неудачей. Кто-то намеренно вешал на них дохлых кошек, ведь они от силы вырезали семьи мятежных сект, но до поголовного истребления невинных никогда не опускались, не говоря уж о зверствах над беременными.

Слухи о том, что Виллу Красного Клена уничтожила Секта Цинсу, возникли из пустых сплетен. Сначала некий ночной сторож заявил, будто видел людей в черных масках, выходящих с территории виллы, после чего и поползли толки, что Секта Цинсу вырезала всю семью подчистую. А когда сторож внезапно скончался при загадочных обстоятельствах, слухи разрослись с новой силой.

Цин Янь холодно глянул на Цин Юя, и в его взгляде читалось горькое разочарование:

— Ты вообще способен обзавестись хоть каплей мозгов?

Цин Юй обиделся:

— Когда я был во чреве матери, все мозги достались тебе. Я просил у тебя таблетку для ума, а ты зажал — кого теперь винить? Раз я глупый, вини во всем себя!

Цин Янь лишился дар речи!

Это же родной младший брат, и раз он уродился таким дураком, добивать его уже нельзя.

Евнух Ван покачал головой:

— Никакие бессмертные пилюли тебя не спасут. Сколько грецких орехов для подпитки мозгов ни покупал тебе евнух, Резиденция регента едва не разорилась на твоих харчах, а умнее ты хоть на два гроша не стал. На те деньги можно было купить столько орехов, что свиноматка принесла бы целый выводок поросят, а скормить их тебе — лишь серебро на ветер переводить.

Сердце Цин Юя пронзил кинжал! Не выдержав, он пробормотал себе под нос:

— Резиденция регента и так бедна, ем я орехи или нет, богаче она не станет.

Чу Цзюсюй поспешно вмешался:

— Мы вообще-то о твоей глупости толкуем, впутывать казну не смей! И не говори, что регентский дом беден, не то пеняй на себя за бесцеремонность.

Цин Юй кипел от гнева: все они сговорились измываться над ним, простодушным человеком!

Пятерка вернула крышки на место и вышла во двор. Все слуги, не владевшие боевыми искусствами, были убиты с одного удара — похоже, убийца точил зуб исключительно на семью Хун Я.

Перемахнув через стены Виллы Красного Клена, они бесшумно вернулись в свои комнаты.

Чу Цзюсюй задвинул задвижку окна и шагнул к постели. Скинув одеяло, он остолбенел при виде небольшого клубка на матрасе.

Свернувшийся колечком Чуньнин проснулся, уставился на Чу Цзюсюй бусинами зеленых глаз и принялся высовывать язычок, в точности копируя дерзкий вызов.

Чу Цзюсюй схватил змею за хвост и приподнял:

— Ты так любишь бегать ко мне — решил сменить хозяина?

— Ссс-sss!

Чуньнин приподнял тело, обвился вокруг запястья Чу Цзюсюй, закрыл глаза и мгновенно заснул.

Чу Цзюсюй: «.....»

Эта чертовщина до боли напоминала Цзин У, который изводил Мин Чэня!

Каков хозяин, таков и питомец!

Раздался требовательный стук в дверь. Чу Цзюсюй отворил ее, и на пороге предстало безупречное, донельзя красивое лицо Цзин У. Чу Цзюсюй взмахнул рукой и швырнул Чуньнина прямо на монаха.

Цзин У поймал змейку:

— Беспокою вас, регент.

Чу Цзюсюй впустил гостя, затворил створки, сорвал с лица черную повязку, являя миру прекрасное лицо:

— Откуда ты узнал, что это я?

— Чуньнин, кроме меня, не любит никого, и никому другому не позволил бы себя касаться. — Была и вторая причина, о которой Цзин У умалчал: браслет на запястье Чу Цзюсюй он сам когда-то вымочил в особом отваре. Сам Чу Цзюсюй запаха не чувствовал, но стоило

приблизиться, как в нос ударял легкий травяной аромат.

Выходит, его обвела вокруг пальца обыкновенная змея? На этот раз перед Цзин У у него и впрямь не осталось никаких секретов.

На следующий день Чу Цзюсюй в сопровождении четверки спустился в трапезную. Стул бесшумно отъехал назад, и евнух Ван поспешно убрал протянутую руку.

Государственный наставник, если вы продолжите в том же духе, этот раб рассердится!

Цзин У проигнорировал кислую физиономию евнуха Вана и уселся рядом с Чу Цзюсюем:

— Что ты задумал?

— Резиденция лидера боевых искусств тоже находится в Циншане, и там будут обсуждать, как расправиться с Сектой Цинсу. Разумеется, я намерен на это взглянуть, — ответил Чу Цзюсюй.

— Я пойду с тобой.

Чу Цзюсюй одарил его подозрительным взглядом:

— Чего это ты увязался за мной? А как же твои послушники из Храма Защиты Государства?

Цзин У обронил три слова:

— Не важно!

Два дурня.

Парадные ворота особняка семьи Хэ были распахнуты настежь, приветствуя гостей со всех четырех сторон. Чу Цзюсюй и Цзин У скрыли лица под бамбуковыми шляпами и благодаря сопровождению монахов из Храма Защиты Государства без труда прошли внутрь. Во дворе уже толпилось немало людей, так что подозрительный наряд Чу Цзюсюя не выглядел броским — здесь хватало мужчин, закутавшихся с ног до головы так, что не было видно ни клочка кожи.

Чу Цзюсюй отыскал свободное местечко и присел, а Цзин У устроился рядом. Когда толпа сплотилась еще плотнее, в сопровождении зятя Сун Вэньюаня появился запоздавший лидер боевого союза Хэ Чжанийоу.

Оглядев забитый народом двор, Хэ Чжанийоу улыбнулся:

— Давайте начнем обсуждение дела об искоренении Секты Цинсу.

Чу Цзюсюй сидел на месте, слушая, как собравшиеся с праведным гневом препираются о том, как бы побыстрее стереть Секту Цинсу с лица земли, и испытывал крайне смутные чувства!

Один за всех, и все за одного — план выработали быстро. Даже казнь главы Секты Цинсу и то, в какой именно позе тому надлежит испить кровь погибших с Виллы Красного Клена, расписали по пунктам.

Шестнадцатилетний юноша в белых одеждах поднялся с места и взмахнул веером:

— Позвольте спросить лидера, а где нынче обретается эта Секта Цинсу?

Хэ Чжанийоу с улыбкой пояснил:

— Секта Цинсу базируется в соседнем уезде Юйшуй.

Кто-то усомнился:

— Разве Секта Цинсу не на гора Ваньаньшань? При чем тут уезд Юйшуй?

Другие утверждали, будто те обосновались в префектуре Минчжоу — в общем, мнения расходились во всех направлениях.

Чу Цзюсюй: «.....»

Обсуждали столько времени, а сами понятия не имеют, где находится его старое гнездо! Вот это неловкость.

Тут люди из цзянху сообразили, что битый час толкли воду в ступе, толком не зная местонахождения Секты Цинсу: те словно возникали из ниоткуда и исчезали в никуда.

Прежде чем сесть на место, юноша помахал Хуа Юньгэ рукой, озарившись лучезарной улыбкой.

Цин Юй толкнул Хуа Юньгэ в бок:

— Ты знаком с ним? Лыбится как дурачок!

— Уж лучше лыбится, чем ты со своей сообразительностью, — осадил его Цин Янь.

Цин Юй: «.....»

Вот же родной братец! Не иначе как от мачехи рожден!

Хуа Юньгэ пояснил:

— Свойственники.

Юноша Цан Чжися был молодым главой долины Инригу. Долина Инригу и пик Минцунфэн, откуда родом Хуа Юньгэ, являлись соседями, а их семьи связывали давние дружеские узы. Старшая невестка Хуа Юньгэ приходилась старшей сестрой Цан Чжися, так что с этим шурином из благородного семейства они были отлично знакомы.

Неловкость на лице Хэ Чжаньюу рассеялась за мгновение:

— Раз никто не ведает точного адреса Секты Цинсу, обсудим это в другой день. Моей внучке как раз исполнилось шестнадцать, и завтра на высоком тереме она выберет себе мужа — любой неженатый герой может попытаться счастья!

Чу Цзюсюй толкнул локтем Цзин У:

— На съезде боевых искусств еще и такое бывает? С какой стати монахи из Храма Защиты Государства заявили на это представление? Неужто тебя собираются вернуть в мирскую жизнь и женить?

— Перестань! — прикрикнул полусшепотом Цзин У. — Ты слишком много воображаешь.

— Ладно-ладно. Как думаешь, мне тоже стоит сходить поглазеть? — поинтересовался Чу Цзюсюй.

— Он разрешил? — уточнил Цзин У.

Под словом «он» Цзин У подразумевал нынешнего императора. Если бы этот сопляк узнал, что у него ни с того ни с сего появилась тетушка, он бы перевернул императорский дворец вверх дном.

Прикинув эту картину, Чу Цзюсюй тут же отступился:

— Пожалуй, не стоит. На титул первой красавицы боевых искусств я не претендую.

Толпы мастеров цзянху парами и тройками потянулись из усадьбы семьи Хэ. Смотрины первой красавицы боевых искусств — дело серьезное, у каждого дома найдется свой молодой таланты, а раз задеты личные интересы, Вилла Красного Клена могла и подождать.

Едва они вышли из особняка, как к ним подлетел юноша:

— Второй брат Хуа, ты тоже пришел поглазеть?

Хуа Юньгэ покачал головой:

— Сопровождаю людей. А ты?

— Я? — Цан Чжися пожал плечами. — Просто заглянул ради интереса, мир повидать, да заодно посмотреть, что за девица носит титул первой красавицы.

Хуа Юньгэ не стал представлять спутников, и Цан Чжися из вежливости не стал расспрашивать:

— Второй брат Хуа, где ты остановился? Найдется время — загляну в гости.

— Постоялый двор Облачный гость, — ответил Хуа Юньгэ.

Цан Чжися разочарованно протянул:

— Похоже, по соседству пожить не выйдет. Я припозднился всего на день, и свободных номеров на постоялом дворе не осталось, так что меня поселили в Слушающем дождь тереме, который приготовил лидер Хэ.

Цин Юй больше не находил манеры трактирщика заносчивыми — в конце концов, у того действительно были основания.

Будь у меня свой постоялый двор Облачный гость, разве стал бы я жить в долг? — подумал Чу Цзюсюй.

Цан Чжися помахал Хуа Юньгэ рукой:

— Я побежал, как освободишься — соберемся вместе.

— Договорились, — кивнул Хуа Юньгэ. — В дни съезда в цзянху полно всякой швали, будь осторожен.

Цан Чжися кивнул и убежал.

Компания вернулась на постоялый двор. Чу Цзюсюй проследовал за Цзин У в номер, и Чуньнин тут же змейкой взвился по его запястью, обвинившись кольцами. Ярко-красный браслет оказался наглухо перевит черно-белой чешуей, составив с Чуньнином единый двухцветный ансамбль.

По коже Чу Цзюсюя побежали мурашки, но он потерпел и не стал сбрасывать змею.

Цзин У опустил на стул:

— Что-то случилось?

Чу Цзюсюй подался ближе:

— Ты заглядывал к телам на Вилле Красного Клена?

— Еще нет, схожу сегодня ночью, — ответил Цзин У. — Разве ты сам не видел?

Чу Цзюсюй пожал плечами:

— Сходим вместе еще раз. То ли сект боевых искусств слишком много, то ли я так и не понял, чей стиль убийства здесь применен. Скажи, тебе не показалось, что Хэ Чжаньюу не слишком-то рвется мстить за Секту Цинсу? Это совсем не вяжется с его показным гневом, и при этом у него хватает духу устраивать смотрины внучки.

Цзин У издал короткое:

— Мм.

Чу Цзюсюй нахмурился:

— Редкостью слов ты не уступаешь каменным идолам. Мы же вместе обсуждаем дело, неужели нельзя добавить еще пару слов?

Цзин У парировал:

— Все, что следовало сказать, ты уже сказал.

И что ему оставалось добавить?

Чу Цзюсюй покачал головой:

— Хорошо еще, что ты монах, иначе вековать тебе в одиночестве. Какая девица вытерпит такого буку — те, кто на тебя позарится, точно ослепли.

Цзин У хранил молчание!

Так не годится, эдак неверно — и чего от него хотят?

Под покровом ночи две темные фигуры вновь приблизились к Виле Красного Клена. Чу Цзюсюй провел Цзин У знакомой тропой: повторение — мать учения, стражники у ворот привычно погрузились в сон, и оба проникли в поминальный зал.

Приподняв крышку гроба и глядя на бездыханную беременную женщину, Цзин У сложил

ладони на груди:

— Амиабха.

Чу Цзюсюй дернул его за рукав:

— Хватит тебе амиабхи, давай смотри быстрее. Мы с Ван Ваном в прошлый раз из-за этой возни так до конца все тела и не осмотрели.

Цзин У слегка нахмурился, глядя на расчлененного Хун Я, и на сей раз обошелся без молитв:

— Можно начать с круга недоброжелателей.

— Я уже велел И Вэню навести справки, — бросил Чу Цзюсюй. — Ты тоже считаешь, что здесь замешана кровная месть?

Цзин У снова промычал:

— Мм, — а затем выдержал паузу и добавил еще два слова: — Верно.

— Разве Храм Защиты Государства извечно не держался в стороне от распрей цзянху? С чего вдруг столько... монахов появилось? — застрявшее на зубах слово «лысые» Чу Цзюсюй проглотил целиком.

— Госпожа Хун Е была на сносях, да и госпожа Хун уже в годах, а эта беременность протекала тяжело. Хун Е отправился в Храм Защиты Государства за исцелением, но беременным вредны дальние переезды в повозках, поэтому настоятель отрядил одного ученика остаться на Вилле Красного Клена на постоянное жительство, — пояснил Цзин У.

Чу Цзюсюй спросил:

— Тот монах тоже погиб?

Цзин У промолчал.

— Неужели этот убийца затаил обиду и на ваш Храм Защиты Государства? — задумался Чу Цзюсюй. — Погоди-ка, лысые из Храма целыми днями едят постное, читают сутры, исцеляют недужных и в дела цзянху не лезут. Выходит, они пострадали за компанию?

Цзин У едва заметно кивнул.

Чу Цзюсюй нахмурился:

— Почему же мне ничего не известно о гибели монаха из Храма?

— Хэ Чжанийоу замял это дело, чтобы не сеять лишней паники, — ответил Цзин У.

— Ты веришь в подобное? Люди цзянху века живут под ветром и дождем, неужто они такие робкие? — Чу Цзюсюй прищурился. — Монах, ты говоришь не всю правду!

Цзин У помолчал с мгновение:

— Тот послушник был спасен: он отделался тяжелыми ранами и потерей сознания, но не умер.

— Хэ Чжанийоу в курсе?

— Кроме Храма Защиты Государства, об этом знаешь только ты, — отрезал Цзин У.

Это объясняло многое: если бы уцелевший монах проговорился о том, чего видеть не следовало, и его бы прикончили втихомолку, то вышло бы по известной пословице — и воду носил в решете, и ведро потерял.

Цзин У сдвинул крышку гроба, разглядывая безжизненное лицо Хун Е. Понаблюдав с мгновение, он протянул руку и аккуратно потрогал холодную шею.

Чу Цзюсюй изумился:

— Не ожидал у государственного наставника столь специфических наклонностей. Теперь-то ясно, что уход в монахи был для вас едва ли не лучшим выходом.

— У меня нет особых пристрастий, — к чести Цзин У, терпения у него было вагон, иначе Чу Цзюсюй огрел бы его уже бесчисленное число раз.

Цзин У содрал с лица покойного маску неравномерной толщины, являя миру совершенно незнакомое лицо.

— Какое искусное мастерство маскировки! — удивился Чу Цзюсюй. — Как ты догадался?

— Мне довелось однажды встретиться с Хун Е и переброситься пара слов. Его прежнее лицо было чуть асимметричным и зажатым, — пояснил Цзин У.

<http://bllate.org/book/21929/2278351>